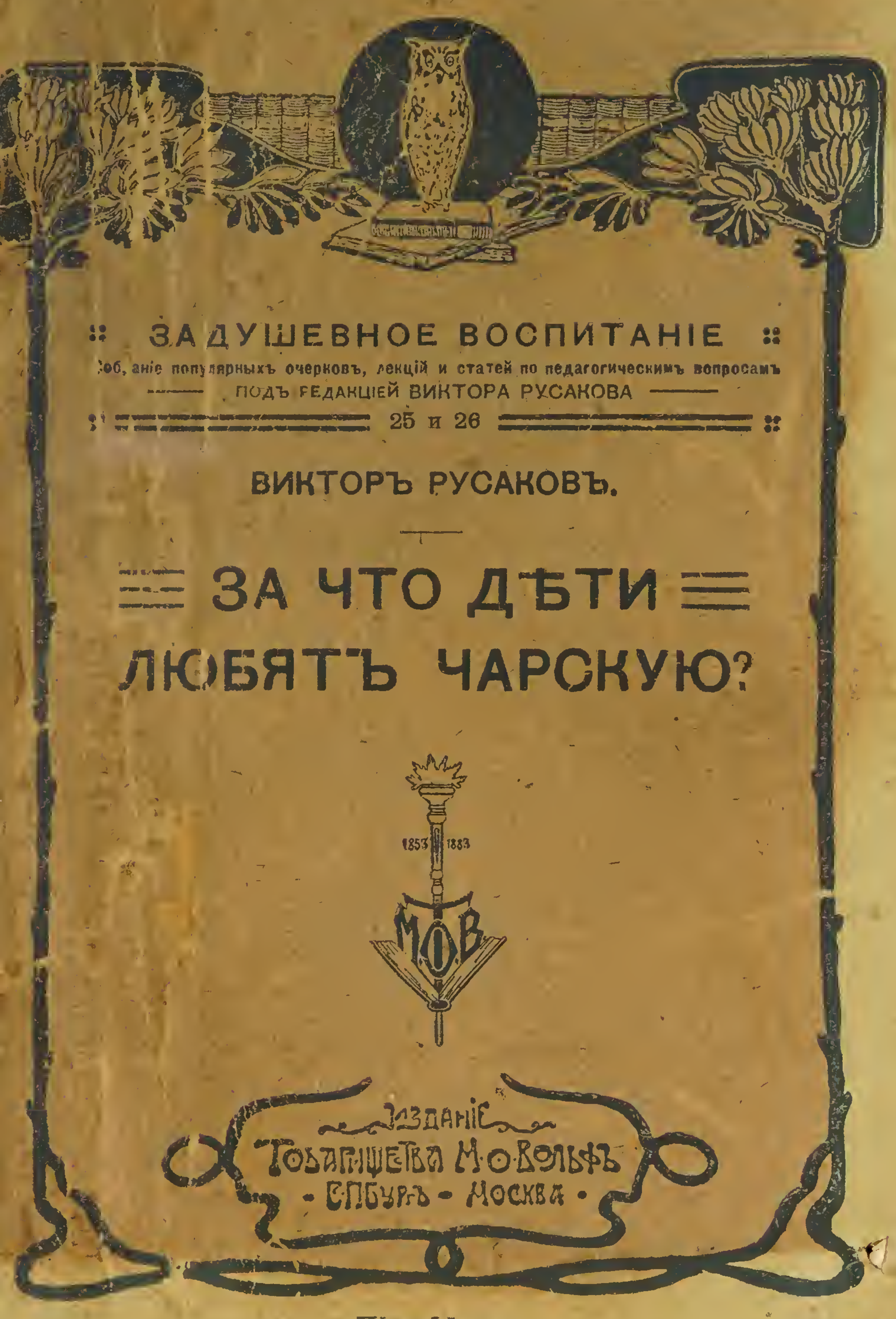

ЗАДУШЕВНОЕ ВОСПИТАНІЕ
Собраніе популярныхъ очерковъ, лекцій и статей по педагогическимъ вопросамъ
ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ ВИКТОРА РУСАКОВА
25 и 26
ВИКТОРЪ РУСАКОВЪ.
ЗА ЧТО ДѢТИ ЛЮБЯТЪ ЧАРСКУЮ?
1853 1883
М О В
ИЗДАНІЕ
ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ - МОСКВА

Цѣна 30 коп.

(*Прод. см. стр. 3 обложки*).

ВИКТОРЪ РУСАКОВЪ.

ЗА ЧТО ДѢТИ ЛЮБЯТЪ ЧАРСКУЮ?

ИЗДАНІЕ
Т-ВА М. О. ВОЛЬФЪ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ и МОСКВА
1913

ПЕЧАТЬ ТИПОГРАФІИ
Т-ВА М. О. ВОЛЬФЪ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ. ВАС. ОСТР. 16 ЛИНІЯ СОБ. ДОМЪ

1913

I.

Въ исторіи новѣйшей дѣтской литературы, на нашихъ глазахъ, произошелъ фактъ совершенно небывалый: появилась писательница, которая буквально заполонила сердца юныхъ читателей и читательницъ, стала ихъ кумиромъ, вызвала ихъ любовь къ себѣ, писательница, произведеніями которой дѣти всѣхъ возрастовъ положительно зачитываются, писательница, которую они ставятъ рядомъ съ величайшими корифеями русской художественной литературы.

Писательница эта—Л. А. Чарская.

Она начала писать недавно: первая ея книга появилась въ 1901 году, а теперь, можно сказать, нѣтъ въ Россіи грамотнаго ребенка, который не зналъ бы этой писательницы, не читалъ бы ея произведеній, при чемъ большинство читаетъ ихъ по нѣскольку разъ, съ каждымъ разомъ все больше и больше восторгаясь ими.

Въ то время какъ другіе писатели годами добиваются успѣха у юныхъ читателей, Чарская какъ-то сразу, первыми же своими большими повѣстями завоевала себѣ среди читающаго юнаго поколѣнія симпатіи—и притомъ весьма прочныя.

Это фактъ, отрицать который не рѣшаются даже тѣ, кото-

рые относятся скептически къ литературному дарованію столь быстро завоевавшей сердца юныхъ читателей писательницы и находятъ въ немъ всевозможные недостатки.

Такъ, З. Масловская, въ своей пространной работѣ на тему о нашихъ дѣтяхъ и нашихъ педагогахъ въ произведеніяхъ Чарской, пишетъ:

Не было до сихъ поръ писательницы, къ которой дѣвочки относились бы съ такой любовью, съ такимъ обожаніемъ, какъ къ Чарской... На вопросъ, кто любимый писатель, большинство дѣвочекъ ставитъ ее на первое мѣсто. Въ восьми женскихъ гимназіяхъ (I, II, III и IV кл.) въ сочиненіи, заданномъ учительницей на тему «Любимая книга», дѣвочки почти единогласно указали на произведенія Чарской. При анкетѣ, сдѣланной въ одной дѣтской библіотекѣ, на вопросъ, чѣмъ не нравится библіотека, было получено въ отвѣтъ: «Нѣтъ книгъ Чарской». Когда я спросила одну маленькую пріятельницу, какъ у нея въ классѣ относятся къ Чарской, то получила въ отвѣтъ: «Изъ 40 воспитанницъ 38 ее обожаютъ, а двумъ она не нравится, и онѣ ея не читаютъ. Такъ мы съ ними даже не разговариваемъ». Сочиненія Чарской фигурируютъ постоянно въ спискѣ подарковъ, о которыхъ мечтаютъ дѣти, и я знаю многихъ дѣвочекъ, которыя просятъ вмѣсто билета въ театръ купить имъ одну изъ ея книгъ. Героини ея разсказовъ служатъ всегдашней темой разсказовъ, примѣромъ для подражанія; она сама является не далекой волшебницей, какъ Туръ и др., а близкой, родной, которой пишутъ письма, поздравляютъ съ днемъ ангела, посылаютъ подарки. «Мы ее любимъ за то,—говорятъ дѣвочки,—что она пишетъ только правду и описываетъ дѣвочекъ такъ, какъ онѣ есть». Да и отъ многихъ матерей, просмотрѣвшихъ книги Чарской, мнѣ приходилось нерѣдко слышать: «Какъ великолѣпно Чарская описываетъ институтскую жизнь. Я сама была въ институтѣ и могу подтвердить, что ни слова вымысла: все написанное въ книгѣ—сама жизнь» [1]).

Другой критикъ, В. Фриденбергъ, задавшійся цѣлью выяснить причины успѣха Чарской, признаетъ, что

Чарская является властительницей душъ и сердецъ современнаго поколѣнія дѣвочекъ всѣхъ возрастовъ. Всѣ, кому приходится слѣдить за дѣт-

[1]) З. Масловская. Наши дѣти и наши педагоги въ произведеніяхъ Чарской. Русская Школа. 1911.

скимъ чтеніемъ, и педагоги, и завѣдующіе библіотеками, и родители, и анкета, произведенная среди учащихся, единогласно утверждаютъ, что книги Чарской берутся дѣвочками нарасхватъ и всегда вызываютъ у дѣтей восторженные отзывы и особое чувство умиленія и благодарности къ автору. Дѣвочки нѣжно, восторженно любятъ Чарскую и создается интимная близость, ласковая дружба между ними и героями ея произведеній. Подъ вліяніемъ Чарской у огромнаго большинства дѣвочекъ складываются дѣвическія мечты, сладкія грезы о томъ неизвѣстномъ, жуткомъ и манящемъ будущемъ, которое ихъ ожидаетъ въ самостоятельной жизни [1]).

Извѣстный дѣтскій писатель, Евг. Шведеръ, свидѣтельствуя, что Л. А. Чарская стала „другомъ малышей", пишетъ:

Книги Чарской пользуются широкой и вполнѣ заслуженной популярностью среди дѣтей и юношества. Тысячи читателей не разъ перечли ея «Записки институтки», «Княжну Джаваху», «Газаватъ», «Смѣлая жизнь» и др. не менѣе популярныя повѣсти, написанныя увлекательно, прекраснымъ литературнымъ языкомъ. Дѣти,—прибавляетъ Шведеръ, — лучшіе судьи и притомъ, надо сознаться, судьи безпристрастные, а популярность книгъ талантливой писательницы въ дѣтскомъ міркѣ служитъ лучшимъ доказательствомъ того, что онѣ пришлись, какъ говорится, «ко двору». Маленькій народъ вполнѣ заслуженно считаетъ ее «своею писательницею». А это лучшая похвала, лучшая критика [2]).

З. Вахтерова, въ статьѣ о задачахъ комиссіи дѣтскихъ библіотекъ, заявляетъ, что

ребята горячо защищаютъ Чарскую: «всѣмъ совѣтую прочесть Чарскую», — пишетъ въ тетради для читателей 15-лѣтняя умная дѣвочка, а на предложеніе назвать нѣсколько самыхъ интересныхъ книгъ, ребята перечисляютъ произведенія той-же Чарской и съ удовольствіемъ выставляютъ ей полный баллъ 5+ [3]).

---

[1]) В. Фриденбергъ. «За что дѣти любятъ и обожаютъ Чарскую» въ журналѣ «Новости дѣтской литературы», М. 1912, № 6.

[2]) Вилен. Курьеръ, 911. 1. I.

[3]) З. Вахтерова. Задачи подкомиссіи по дѣтскимъ библіотекамъ. «Народный учитель», 1912, №№ 19 и 20.

Н. Чеховъ въ своемъ сочиненіи „Дѣтская литература“ замѣчаетъ:

Если считать наиболѣе популярнымъ писателемъ того, чьи сочиненія расходятся въ наибольшемъ числѣ экземпляровъ, то самымъ популярнымъ дѣтскимъ писателемъ должна быть признана въ настоящее время Л. Чарская [1]).

„Новое Время“, въ фельетонѣ, посвященномъ обзору дѣтской литературы за 1912 годъ, говоря о произведеніяхъ Чарской, подтверждаетъ, что

писательница пользуется неизмѣннымъ успѣхомъ у молодыхъ читателей (912. XII. 19).

М. Гловскій отмѣчаетъ:

Успѣхъ автора «Княжны Джавахи» среди юныхъ читателей представляетъ собой явленіе почти небывалое, можно даже сказать, стихійное. Молодая писательница, благодаря особенностямъ ея дарованія, благодаря знанію дѣтской души, благодаря умѣнію заинтересовывать юныхъ читателей и внушать имъ добрыя чувства, прочно завоевала себѣ любовь среди своихъ читателей и читательницъ [2]).

Даже отчаянный противникъ и врагъ Чарской, Чуковскій, не можетъ скрыть, что вся „молодая Россія поголовно преклоняется передъ нею“.

«Дѣтскимъ кумиромъ донынѣ считался у насъ Жюль Вернъ, — пишетъ Чуковскій, — но куда же Жюлю Верну до Чарской! По отчету одной библіотеки, дѣти требовали въ минувшемъ году сочиненія Чарской 790 разъ, Жюля Верна 232 раза. Не угнаться за ней старому Жюлю Верну. Сейчасъ предо мною 346 дѣтскихъ писемъ о различныхъ прочитанныхъ книгахъ: изъ нихъ 282 письма (т.-е. больше 80 процентовъ) посвящено восхваленію Чарской. Вы только подумайте: восемьдесятъ процентовъ! Небывалая, грандіозная цифра!» [3])

Просматривая библіотечные отчеты какъ столичныхъ, такъ и провинціальныхъ библіотекъ, мы видимъ, что юные читатели больше всего спрашиваютъ Чарскую.

---

[1]) Чеховъ. Дѣтская литература. М. 1910, стр. 141.
[2]) М. Гловскій. Задушевная поэтесса. Вѣстн. Лит. 910. 2.
[3]) К. Чуковскій. Чарская. „Рѣчь“ 1912. № 1679

Такъ, напр., изъ отчета библіотеки Общества народныхъ университетовъ въ Самарѣ за 1910 годъ видно, что изъ дѣтскихъ писателей требовались за годъ:

Чарская	318	разъ
Жюль Вернъ	191	»
Маркъ Твэнъ	101	»
Евг. Туръ	78	»
Лукашевичъ	76	»
Томсонъ	66	»
Майнъ-Ридъ	65	»
Олькотъ	58	»
Засодимскій	56	»
Гофманъ	51	»
Алтаевъ	43	»
Эмаръ	38	»
Бернетъ	36	»
Ѳедоровъ-Давыдовъ	32	»
Кругловъ	31	»
Маминъ-Сибирякъ	31	»
Позняковъ	19	»
Желиховская	16	»

Согласно отчету библіотечной секціи того же Самарскаго общества народныхъ университетовъ, за время съ 11 января 1911 года по 1 іюля 1912 года спрашивали:

Чарскую	1372	раза
Лукашевичъ	362	»
Жюля Верна	314	»

По даннымъ наблюдательнаго комитета библіотеки служащихъ Закавказск. жел. дороги, по отдѣлу книгъ для дѣтей и юношества въ теченіе 1911 года требовались сочиненія:

Чарской	790	разъ
Жюля Верна	232	»
Желиховской	100	»

По отчету комиссіи при московскомъ обществѣ распространенія техническихъ знаній, доложенному на съѣздѣ

по библіотечному дѣлу въ 1911 году, въ учебныхъ заведеніяхъ дѣти средняго возраста (9—12 лѣтъ) читали:

Гоголя	34,1 проц.
Пушкина	23,3 »
Чарскую	21,6 »
Твэна	18 »
Жюля Верна	16 »
Желиховскую	13,8 »
Тургенева	11,8 »
Рубакина	4,1 »

Однородные по результатамъ подсчеты имѣются во многихъ другихъ дѣтскихъ библіотекахъ и свидѣтельствуютъ, что Чарская заняла безусловно первое мѣсто среди писателей для дѣтей и юношества.

Но кромѣ этихъ наглядныхъ цифровыхъ доказательствъ огромной популярности Чарской, имѣются еще и другія, не менѣе убѣдительныя.

Повѣсти Чарской черезъ небольшіе промежутки времени выходятъ все новыми и новыми изданіями, раскупаются нарасхватъ, являются по общему мнѣнію книгопродавцевъ „самыми ходкими книгами" въ настоящее время, оттѣснили на задній планъ другія книги и, въ отношеніи сбыта, успѣшно конкурируютъ съ такой классической дѣтской литературой, какъ сочиненія Бичеръ-Стоу, Олькотъ, де-Амичисъ, Бернетъ, графини Сегюръ и др.

На опросныхъ листкахъ, разсылаемыхъ дѣтямъ, послѣднія сплошь и рядомъ называютъ сочиненія Чарской своимъ любимымъ чтеніемъ, ставятъ ихъ впереди всѣхъ другихъ книгъ.

По приведенному уже свидѣтельству г-жи Масловской, въ восьми женскихъ гимназіяхъ, въ I, II, III и IV классахъ, воспитанницы, въ сочиненіи, заданномъ на тему „Любимая книга", почти единогласно указали на произведенія Чарской. Такой же результатъ даетъ опросъ дѣвочекъ въ большинствѣ

учебныхъ заведенiй, гдѣ только дана возможность дѣвочкамъ знакомиться съ произведенiями этой писательницы.

Во многихъ библiотекахъ, пишетъ г-жа Масловская, дѣти, возвращая прочитанную ими какую-нибудь книгу Чарской, записываются, чтобы опять получить ее недѣли черезъ три-четыре.

По свидѣтельству многихъ воспитательницъ, дѣти, раньше равнодушно относившiяся къ книгамъ, неохотно читавшiя, съ появленiемъ книгъ Чарской рѣзко измѣнили свое отношенiе къ книгамъ, стали зачитываться сначала ея повѣстями, перенося затѣмъ свою любовь къ чтенiю и на произведенiя другихъ авторовъ, болѣе серьезныхъ, на классиковъ: Чарская научила ихъ читать.

Но мало того, что книги Чарской перечитываются по нѣскольку разъ и читаются значительно больше сочиненiй другихъ писателей и писательницъ для юношества: дѣти не только съ восхищенiемъ читаютъ Чарскую, но стараются, такъ или иначе, завязать сношенiя съ любимою писательницею, пишутъ ей письма, повѣряютъ свои тайны.

Можно смѣло утверждать, что еще не было случая, чтобы юные читатели и читательницы такъ осаждали письмами дѣтскаго писателя или дѣтскую писательницу, какъ Чарскую. Со всѣхъ концовъ Россiи ежедневно, не преувеличивая, на имя Чарской, частью непосредственно, частью черезъ редакцiю „Задушевнаго Слова“, поступаютъ десятки писемъ отъ дѣтей, подростковъ, юношей. Какъ по содержанiю, такъ и по формѣ эти письма отличаются большимъ разнообразiемъ. Въ одномъ письмѣ — выраженiе восторга писательницѣ, просьба „прислать нѣсколько строкъ на память“; въ другомъ—длинная исповѣдь дѣтскихъ впечатлѣнiй и переживанiй; въ третьемъ—жалоба на неудовлетворенность окружающей жизнью; въ четвертомъ—просьба дать совѣтъ, какъ поступить въ томъ

или другомъ случаѣ, какую выбрать жизненную дорогу и т. д., и т. д. Встрѣчаются наивныя письма съ просьбою сообщить, какая судьба постигла ту или другую героиню повѣсти, того или другого героя, запросъ—изъ дѣйствительной ли жизни взяты факты, описанные въ повѣстяхъ писательницы. Весьма значительный процентъ писемъ приходится на долю тѣхъ юныхъ читательницъ, которыя, дѣлясь своими впечатлѣніями съ писательницею, удивляются тому, что тотъ или другой типъ или характеръ изъ числа изображенныхъ Чарской въ ея повѣстяхъ поразительно похожъ на типъ или характеръ юныхъ корреспондентокъ. „Я буквально видѣла себя въ зеркалѣ, читая вашу повѣсть „За что?“ — пишетъ одна шестнадцатилѣтняя гимназистка. „Мнѣ показалось, что вы съ меня писали портретъ княжны Джавахи,— пишетъ другая, прибавляя:—за исключеніемъ нѣкоторыхъ подробностей и трагическаго конца, я узнала въ княжнѣ Джавахѣ себя самое“, и т. д. Многія корреспондентки подносятъ любимой писательницѣ свои рукодѣлія, просятъ позволенія прислать ей свою карточку и пр.

Во время пребыванія Чарской въ Сестрорѣцкѣ лѣтомъ 1911 года, дѣти петербургскихъ дачниковъ, жившихъ по линіи Приморской желѣзной дороги, устроили ей цѣлую овацію, съ подношеніемъ цвѣтовъ, подарковъ и пр. Каждое появленіе Чарской гдѣ-либо въ кругу дѣтей сразу приковываетъ къ ней вниманіе дѣтворы, которая жадно ловитъ каждое ея слово. Когда Чарская однажды посѣтила одинъ изъ петербургскихъ женскихъ институтовъ, всѣ институтки, какъ одинъ человѣкъ, выбѣжали посмотрѣть на свою любимицу, и ихъ не въ состояніи были удержать классныя дамы и опасеніе наказанія. На кладбищѣ Александро-Невской лавры, гдѣ, по разсказу Чарской, похоронена героиня одной изъ ея повѣстей—юная княжна Джаваха, дѣвочки приходятъ цѣлыми десятками и ищутъ могилу

этой героини, ставшей для многихъ идеаломъ, и т. д., и т. д. — Всѣ эти факты лишній разъ свидѣтельствуютъ объ огромной популярности Чарской, о томъ, какъ искренно полюбила ее ея юная аудиторія.

Чѣмъ же объяснить этотъ огромный успѣхъ Чарской? Чѣмъ объяснить тотъ фактъ, что писательница эта заняла такое видное мѣсто въ умахъ нашихъ дѣтей?

Попытокъ отвѣтить на этотъ вопросъ было уже нѣсколько. Постараемся и мы освѣтить этотъ, безусловно интересный вопросъ.

II.

Придерживаясь того взгляда, что дѣти — прежде всего люди, а не только объекты воспитательнаго на нихъ воздѣйствія, и что въ вопросахъ, касающихся дѣтей, необходимо, до извѣстной по крайней мѣрѣ степени, считаться также и съ мнѣніями и взглядами ихъ самихъ, подвергая ихъ мнѣнія, если это нужно, тщательному анализу, мы постараемся прежде всего выяснить, какъ сами дѣти объясняютъ свое восторженное отношеніе къ произведеніямъ Чарской.

Извѣстно, что даже взрослому читателю часто очень трудно объяснить, почему онъ восторгается тѣмъ или другимъ писателемъ, почему его, читателя, симпатіи на сторонѣ того, а не другого автора. Тѣмъ труднѣе, конечно, это сдѣлать дѣтямъ. „Мнѣ этотъ писатель ужасно нравится", „этотъ писатель пишетъ хорошо", или „онъ очень занимателенъ"— вотъ обыкновенный, непосредственный, искренній отвѣтъ, который въ большинствѣ случаевъ получаетъ спрашивающій. Однако, бываютъ и другіе отвѣты. Случается, что и юные читатели стараются проанализировать самихъ себя, свои симпатіи, отвѣтить болѣе опредѣленно на предложенный вопросъ. Нагляднымъ доказательствомъ этого является результатъ ан-

кеты, предложенной юнымъ читателямъ, анкеты, въ которой предлагалось этимъ читателямъ не только назвать ихъ любимаго писателя или писательницу, но и отвѣтить, чѣмъ именно писатель или писательница вызвали любовь къ себѣ, что въ ихъ произведеніяхъ больше всего нравится, что производитъ наиболѣе сильное впечатлѣніе. И вотъ относительно Чарской получились такіе отвѣты:

— Мнѣ нравится, что Чарская описываетъ сильныхъ, смѣлыхъ, самостоятельныхъ дѣвочекъ.

— Мнѣ нравится Чарская, потому что она интересно пишетъ.

— Больше всего мнѣ нравится въ Чарской сердечность, искренность, теплота.

— Я не въ состояніи объяснить, что именно меня такъ увлекаетъ въ повѣстяхъ Чарской, но я читаю ихъ съ восхищеніемъ.

— Чарская хорошо описываетъ институтскую жизнь.

— Мнѣ нравится Чарская, потому что она выводитъ типы, мнѣ знакомые.

— Чарская насъ понимаетъ, и мы ее любимъ за то, что она умѣетъ такъ тепло описывать наши радости и наше горе,—пишутъ три институтки.

— Читая Чарскую, мы видимъ себя, нашихъ подругъ, нашихъ учительницъ. Она вѣрно все описываетъ.

— Чарская захватила насъ, унесла въ какой-то хорошій міръ.

— На меня герои и героини Чарской произвели такое впечатлѣніе, что я ихъ представляю себѣ живыми.

— Больше всего люблю читать книги Чарской, потому что въ ея повѣстяхъ встрѣчаются часто самоотверженныя, сильныя натуры, которыя преодолѣваютъ всякія преграды на пути ихъ жизни.

— Главное достоинство Чарской, какъ мнѣ кажется, это умѣніе изобразить людей, и въ особенности юношество, мѣтко и правдиво.

— Книги Чарской до того интересны, что всегда одинаково увлекаешься.

— Книги Чарской такъ вѣрно описываютъ нашу жизнь, что точно живешь между ея героинями.

— Чарская пишетъ увлекательно.

— Чарская привлекаетъ интересною фабулою и красивымъ разсказомъ.

— Мы любимъ Чарскую, потому что она пишетъ такъ интересно, какъ никто.

— У Чарской особые люди, особые характеры, но такіе увлекательные, что хочется стать похожими на нихъ [1]).

Здѣсь взято лишь небольшое число изъ тѣхъ сотенъ и тысячъ отвѣтовъ, которые явились откликомъ на рядъ послѣдовательныхъ анкетъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Но и эти немногіе отвѣты характерны. Они показываютъ, что причины, вызывающія восторженное отношеніе къ Чарской, причины, почему ее любятъ юные читатели, довольно разнообразны, хотя доминируетъ здѣсь все-таки взглядъ, что Чарская пишетъ интересно, увлекательно, что она производитъ своими произведеніями большое впечатлѣніе на своихъ юныхъ друзей, что въ ея повѣстяхъ они видятъ правду жизни, что она увлекаетъ выведенными ею, сильными, не совсѣмъ заурядными натурами.

III.

Но не одни дѣти „за“ Чарскую: анкета, произведенная среди родителей, показываетъ, что огромное большинство слѣдящихъ за чтеніемъ дѣтей ставитъ Чарскую среди современныхъ дѣтскихъ писателей на первое мѣсто, считаетъ ея произведенія высоко полезными, желательными въ дѣтскихъ библіотекахъ, высказываетъ свою радость, что нашлась писательница, которая сумѣла заинтересовать дѣтей, отвлечь ихъ отъ чтенія неподходящихъ, вредныхъ книгъ.

Замѣтивъ, съ какимъ увлеченіемъ обѣ мои дочери читаютъ всѣ повѣсти, всѣ разсказы Чарской,—пишетъ одна мать,—я хотѣла убѣдиться, чѣмъ объясняется успѣхъ этой писательницы. И вотъ, на основаніи

---

[1]) Приведенные отвѣты заимствованы изъ анкеты между юными читателями журнала «Задушевное Слово».

разспросовъ, я пришла къ убѣжденію, что тайна успѣха Чарской просто въ томъ, что каждая ея повѣсть даетъ толчокъ мысли юныхъ читателей, и не только ихъ мысли, но и совѣсти. А прочитавъ сама нѣсколько ея повѣстей, я пришла къ заключенію, что произведенія Чарской воспитывающе вліяютъ на дѣтей, пріохочиваютъ ихъ къ чтенію, знакомятъ съ такими сторонами жизни, которыя обыкновенно въ дѣтской беллетристикѣ оставляютъ безъ вниманія.

Другая мать заявляетъ, что

повѣсти Чарской главнымъ образомъ тѣмъ хороши, что заставляютъ дѣтей призадумываться надъ ихъ поступками и поступками ихъ ровесницъ, вводятъ дѣтей въ міръ, хотя имъ и извѣстный, но лишь рѣдко вѣрно изображаемый.

По мнѣнію третьей матери,

повѣсти Чарской, совершенно независимо отъ ихъ увлекательнаго интереса для дѣтей, достойны похвалы за то, что незамѣтно прививаютъ дѣтямъ уваженіе къ труду, таланту, что онѣ изображаютъ положительные и отрицательные типы дѣтей, проникнуты горячей любовью къ родителямъ, къ родинѣ, ко всему хорошему.

Еще одна мать находитъ, что

важная заслуга Чарской въ томъ, что она, не выходя изъ сферы дѣтскихъ интересовъ и обычныхъ дѣтскихъ увлеченій, умѣло направляетъ ихъ на вѣрный путь [1]).

Ѳличимъ теперь эти отзывы дѣтей и родителей съ отзывами печати, указывавшей на достоинства произведеній Чарской, и посмотримъ, не совпадаютъ ли тѣ и другіе.

А. Измайловъ въ „Русскомъ Словѣ" (911. 22. XII) говоритъ:

Я вполнѣ понимаю, что дѣтямъ можетъ нравиться то, что пишетъ Чарская о дѣтяхъ добрыхъ и злыхъ, о людяхъ сердечныхъ и жестокихъ, о гонимыхъ дѣвочкахъ, которыя потомъ побѣждаютъ своимъ благородствомъ даже враговъ, о дѣвочкахъ, не спящихъ ночей у одра больной подруги, и т. п. Только взрослый, собираясь мѣрить дарованіе Чарской, долженъ оставить свой аршинъ... Дѣтямъ нужна такая литература, и Чарская не научитъ ихъ ничему злому. Повторяю, у нея есть черта ис-

---

[1]) Отвѣты на анкету среди родителей юныхъ читателей «Зад. Сл.».

кренности. Я даже положительно думаю, что ни одна изъ ея читательницъ впослѣдствіи вспомнитъ ее, какъ учительницу добра, не при одномъ добромъ движеніи своего сердца.

Фриде въ „Недѣлѣ Вѣстника Знанія" (911. 48) пишетъ:

Каждая повѣсть Чарской, какъ и небольшіе разсказы, проникнуты серьезнымъ, вдумчивымъ отношеніемъ къ маленькимъ читателямъ... Надо удивляться ея плодовитости и новизнѣ сюжетовъ. Она одинаково удачно пишетъ и для дѣтей младшаго возраста, и для юношества.

Н. Геккеръ въ фельетонѣ „Одесск. Новостей", посвященномъ дѣтскимъ книгамъ (909. 21. XII), замѣчаетъ:

Не можемъ не остановиться на произведеніяхъ нашей талантливой и неутомимой писательницы, г-жи Чарской. Большая часть изъ нихъ предназначена для дѣвушекъ средняго и переходнаго возраста. Написаны они безусловно красиво и даже художественно и всегда проникнуты высоко моральной, облагораживающей тенденціей.

Лебедевъ, критическій обозрѣватель дѣтской литературы „Закавказья" и самъ дѣтскій писатель, находитъ, что:

Чарская явилась полной владычицей дѣтскихъ сердецъ потому, что она уловила, что именно занимаетъ, интересуетъ, увлекаетъ дѣтей, и силою своего таланта производитъ на своихъ читателей впечатлѣніе. Не ея вина, что не нашлось другого писателя, который въ болѣе художественной формѣ отвѣчалъ бы потребностямъ дѣтей.

М. Гловскій полагаетъ, что

самое важное, самое дорогое, самое цѣнное въ произведеніяхъ Чарской, «чуткое сердце» писательницы, ея умѣніе подойти къ дѣтской душѣ, умѣніе заставлять дрожать самыя нѣжныя струны ея... За что бы ни взялась писательница, о чемъ бы она ни говорила, она всегда одинакова, всюду видно ея любовное отношеніе ко всему міру, полному, въ ея глазахъ, красивыхъ чудесъ и сказокъ, полному добра и свѣтлыхъ грезъ (Вѣстн. Лит. 910. 2).

Родниковъ въ своихъ „Очеркахъ дѣтской литературы" (Кіевъ, 1912) объясняетъ успѣхъ Чарской героическимъ романтизмомъ и вообще романтическимъ элементомъ, которымъ проникнуты произведенія писательницы и который „въ значительной степени присущъ дѣтской природѣ, такъ жадной ко всему неизвѣданному, таинственному".

„Журналъ Мин. Нар. Просв.“ (904. VIII) въ оцѣнкѣ „Княжны Джавахи“ находитъ, что

Чарская создаетъ свои произведенія исключительно изъ живыхъ впечатлѣній дѣтства и юности. Оттого правдой и жизнью вѣетъ всегда отъ ея разсказовъ.

„Педаг. Сборникъ“ (904. VII) замѣчаетъ:

Повѣсти Чарской пользуются хорошей репутаціей у той публики, для которой она пишетъ. Она хорошо разсказываетъ, герои ея съ характеромъ, дѣйствуютъ въ несовсѣмъ обычной обстановкѣ, испытываютъ необычныя впечатлѣнія и тѣмъ самымъ заинтересовываютъ и привлекаютъ къ себѣ читателей.

„Россія“ (911. 23. XII) даетъ такой общій отзывъ о Чарской:

Всѣ произведенія извѣстной дѣтской писательницы, г-жи Чарской заслуживаютъ безусловно вниманія родителей. Спокойная и вдумчивая манера, съ какой г-жа Чарская разрабатываетъ взятую ею тему, умѣнье заинтересовать молодыхъ читателей, несмотря на обыденность сюжета, несложность интриги, а главное, гуманное чувство, которое проникаетъ всѣ произведенія г-жи Чарской — все это дѣлаетъ ея книги дѣйствительно полезными подарками для юношества.

„Псковская Жизнь“ (09. 21 и 29. VII) находитъ, что

немудрено, что Чарская сдѣлалась популярнѣйшею и любимѣйшею дѣтскою писательницею: маленькій народецъ чутко улавливаетъ искренность разсказчика. Повѣсти Чарской отличаются своей простотою, жизненностью, правдивостью, задушевною искренностью и могутъ быть причислены къ образцовымъ дѣтскимъ книгамъ.

„Виленскій Вѣстникъ“ (909. 4. IV, 909. 16. VII и 909. 6. XI) пишетъ:

Имя Л. А. Чарской пользуется заслуженной популярностью среди юныхъ читателей. Повѣсти ея живы, картинны, образны и увлекательны... Онѣ написаны прекраснымъ языкомъ, живо и увлекательно, чужды какой бы то ни было тенденціозности, скучной морали и слащавой поддѣлки подъ дѣтскій языкъ и пониманіе. Книги Чарской съ удовольствіемъ прочтутся и взрослымъ читателемъ. Отличительною чертою большинства произведеній писательницы является ихъ искренность, и этимъ главнымъ образомъ объясняется успѣхъ ея книгъ. Чарская не придумываетъ, не

сочиняетъ сюжетовъ своихъ повѣстей, а беретъ ихъ изъ дѣйствительной, настоящей жизни, и это чутко улавливается юными читателями.

Въ приведенныхъ отзывахъ, до извѣстной степени, косвенно объяснена тайна успѣха Чарской: правдивость и жизненность содержанія, красивое, художественное изложеніе, высоко моральная, облагороживающая тенденція, картинность, образность, живость и увлекательность, живой языкъ, драматизмъ сценъ, умѣнье дать колоритъ различнымъ событіямъ.

Намъ кажется, однако, что успѣхъ Чарской объясняется гораздо болѣе тѣмъ, что она своими произведеніями отвѣчаетъ запросамъ дѣтской души. Иначе говоря, она осуществила въ своихъ произведеніяхъ то, на что теоретически совершенно вѣрно указалъ, какъ на важнѣйшій факторъ успѣха дѣтской книги, Н. Бахтинъ („Пед. Сборн.“, 1912. V):

Нужно знать, каковы въ данный періодъ запросы юнаго читателя, и сумѣть найти подходящую для этого періода книгу, которая при томъ не столько давала бы готовые отвѣты, сколько будила бы мысль читателя и заставляла его приходить къ тому или иному выводу самостоятельно.

Чарская отлично узнала запросы дѣтской души и пошла имъ навстрѣчу. Конечно, не будь у Чарской таланта—ей не удалось бы, при всемъ стараніи, при всей удачливости достигнуть успѣха. Но вотъ именно сочетаніе таланта, — таланта совершенно особеннаго, — съ умѣніемъ пойти навстрѣчу естественнымъ вкусамъ и наклонностямъ юныхъ читателей и будить ихъ мысль положила основу ея успѣха.

Характерная черта всѣхъ произведеній Чарской — интересный, захватывающій юныхъ читателей сюжетъ, увлекательная фабула, заставляющая читать всѣ ея книги съ напряженнымъ вниманіемъ.

Дѣтскіе писатели,—говоритъ Бѣлинскій,—подобно поэтамъ, родятся, а не дѣлаются... Это своего рода

призваніе. Тутъ требуется не только талантъ, но и своего рода геній...

У Чарской безспорно призваніе—быть дѣтской писательницей. Она родилась дѣтскою писательницею, хотя характеръ ея таланта, способъ письма рѣзко отличается отъ обычнаго шаблона авторовъ дѣтскихъ книгъ.

Много нужно условій для образованія дѣтскаго писателя,—говоритъ тотъ же Бѣлинскій,—нужны душа, благодарная, любящая, кроткая, спокойная, младенчески-простодушная; умъ возвышенный, образованный; взглядъ на предметы просвѣтленный, и не только живое воображеніе, но и живая поэтическая фантазія.

Въ талантѣ Чарской мы видимъ цѣлый рядъ этихъ именно качествъ, вѣрнѣе, этихъ условій, необходимыхъ для дѣтской писательницы.

И въ нихъ-то кроется причина ея успѣха.

Сама Чарская на вопросъ, предложенный ей, чѣмъ объясняетъ она себѣ свой огромный успѣхъ у дѣтей (впрочемъ, не только у русскихъ дѣтей, потому что ея повѣсти, переведенныя на чешскій языкъ, пользуются среди чеховъ небывалою популярностью), отвѣтила: „Я сохранила дѣтскую душу и свѣжесть дѣтскихъ впечатлѣній. И еще — я люблю, искренно люблю дѣтство, сохранила „любовь святую къ завѣтамъ юности“...

Но если этимъ и можно объяснить успѣхъ Чарской, то нельзя еще объяснить той любви у юныхъ читателей, которую пріобрѣла писательница.

Л. Н. Толстымъ высказано мнѣніе, что дѣти никогда не полюбятъ того, кто не достоинъ ихъ любви: дѣтскимъ своимъ инстинктомъ они отличаютъ своихъ доброжелателей отъ враговъ. Очевидно, не даромъ полюбили Чарскую дѣти, очевидно, они почувствовали, что писательница достойна ихъ любви, что она влечетъ ихъ къ добру. А такъ какъ рѣчь идетъ не о какой-

нибудь случайной группѣ дѣтей, а о дѣтяхъ самыхъ различныхъ слоевъ общества, въ разныхъ концахъ Россіи, и притомъ дѣтяхъ уже нѣсколькихъ дѣтскихъ поколѣній, то слѣдуетъ полагать, что въ основѣ любви дѣтей къ Чарской лежитъ нѣчто серьезное, достойное вниманія, нѣчто такое, надъ чѣмъ слѣдуетъ призадуматься.

Что же именно?

IV.

Великій русскій педагогъ Пироговъ требуетъ отъ тѣхъ, кто такъ или иначе причастенъ къ воспитанію юнаго поколѣнія, прежде всего уваженія къ человѣку.

— Научитесь уважать человѣка. Уважать человѣка въ ребенкѣ, въ школьникѣ, въ каждомъ членѣ общества.

Чарская инстинктивно слѣдуетъ этому завѣту великаго педагога: она именно уважаетъ человѣка въ ребенкѣ. Это уваженіе сквозитъ и въ выводимыхъ ею типахъ дѣтей, и въ самой обработкѣ сюжета, и въ изложеніи. Писательница смотритъ на всѣхъ дѣтей, которыхъ она выводитъ въ своихъ повѣстяхъ, будь это институтка, уличный бродяга, оборвышъ, шалунъ-гимназистъ, цыганенокъ, крестьянскій мальчикъ-сирота и т. д., какъ на людей, маленькихъ людей, имѣющихъ свои хорошія и дурныя стороны, свои особенности, свои недостатки. Она рисуетъ хорошихъ и злыхъ, забитыхъ и жизнерадостныхъ, униженныхъ и счастливыхъ,—съ одинаковою любовью отыскивая въ каждомъ изъ нихъ человѣческое. И въ этомъ, несомнѣнно, кроется одна изъ причинъ той любви, которую она пріобрѣла у юныхъ читателей. Чуткія юныя сердца отлично поняли эту особенность писательницы.

На юнаго читателя Чарская смотритъ, какъ на равноправнаго маленькаго гражданина, который имѣетъ полное основаніе требовать, чтобы съ нимъ говорили серьезно, не

сюсюкая. Въ своихъ повѣстяхъ, даже для самыхъ маленькихъ дѣтей, она никогда не прибѣгаетъ къ трафаретной поддѣлкѣ подъ рѣчь ребенка, избѣгаетъ шаблоннаго, искусственнаго, дѣланнаго „торжества добродѣтели", ни въ одномъ ея произведенiи вы не встрѣтите прописной мѣщанской морали.

Но тѣмъ не менѣе Чарская старается дѣйствовать благотворно на душу ребенка и, съ одной стороны, подмѣчать то хорошее, что кроется въ глубинѣ дѣтской души; съ другой—сохранить, а иногда и вызвать, добрыя чувства.

Большинство дѣтскихъ писателей задается прямо цѣлью провести въ своихъ произведенiяхъ ту или другую педагогическую цѣль, но дѣлаетъ это настолько грубо, неумѣло, что юные читатели сразу угадываютъ затаенную мысль автора и остаются къ ней равнодушны. Чарская не ставитъ никакихъ опредѣленныхъ вѣхъ, она далека отъ морализированiй, отъ ординарной педагогической морали, отъ узкихъ поучительныхъ тенденцiй. И тѣмъ не менѣе почти въ каждой ея повѣсти не мало поучительнаго, почти въ каждой затрагивается какой-нибудь вопросъ, который будитъ мысль въ юномъ читателѣ, вызывая вдумчивое отношенiе къ окружающему, и благотворно влiяетъ на юныя души.

Любовное, нѣжное отношенiе къ душѣ ребенка невольно прорывается въ стихотворенiи Чарской „Озеро", гдѣ она сравниваетъ душу ребенка съ хрустальной водой озера:

Хрустальныя души дѣтишекъ живыхъ
Не тѣ же-ль живыя озера?
Ничто не пройдетъ незамѣтнымъ для нихъ,
Для свѣтлаго, дѣтскаго взора.
Они отражаютъ, какъ въ чистыхъ водахъ,
И счастье, и боль, и невзгоду...
Храните же въ этихъ хрустальныхъ сердцахъ
Прозрачную, чистую воду!

Одна изъ особенностей Чарской—умѣнье подойти къ дѣтскому міропониманію, умѣнье такъ комбинировать жизненныя отношенія какъ юныхъ, такъ и взрослыхъ героевъ и героинь повѣстей, что въ душѣ маленькаго читателя естественно и незамѣтно выростаютъ высокія чувства любви и жалости къ обиженнымъ и угнетеннымъ. При этомъ Чарская показала, что дѣтская жизнь не только не бѣдна интересными, новыми, незатронутыми сюжетами, а напротивъ, что эта жизнь чрезвычайно разнообразна, что въ ней можно найти неисчерпаемый источникъ для дѣтской беллетристики, нуженъ только талантливый писатель, который способенъ и умѣетъ спуститься въ дѣтскій міръ.

Въ своихъ историческихъ повѣстяхъ Чарская, живымъ, талантливымъ, увлекательнымъ изображеніемъ различныхъ эпохъ, пережитыхъ Россіею, старается возбуждать и несомнѣнно возбуждаетъ въ юныхъ читателяхъ интересъ къ русской исторіи и къ ея изученію. Въ этихъ историческихъ повѣстяхъ писательница воскрешаетъ передъ юнымъ читателемъ жизнь и бытъ русскаго народа, его отдѣльныхъ героевъ и страдальцевъ, стремясь всегда интересную фабулу соединить съ научными свѣдѣніями. И, какъ истинный художникъ, на фонѣ исторіи она творитъ и создаетъ живые образы, живыя лица. Благодаря этому, въ памяти юныхъ читателей ярко запечатлѣваются всѣ изображенные Чарской герои и эпизоды, и юные читатели, какъ это свидѣтельствуютъ отчеты библіотекъ, по нѣскольку разъ читаютъ каждую историческую повѣсть писательницы, гдѣ въ числѣ героевъ или героинь всегда выведены юныя, сильныя, изъ ряда выдающіяся натуры, рядомъ съ обычными „средними“ людьми.

V.

За десять лѣтъ литературной дѣятельности Чарская написала свыше 70 большихъ произведеній для дѣтей и юношества, не считая мелкихъ очерковъ и сборниковъ небольшихъ разсказовъ. Тутъ и повѣсти изъ институтской жизни („Записки институтки“, „Княжна Джаваха“, „Люда Влассовская“), тутъ и повѣсти изъ кавказскаго быта („Вторая Нина“, „Джаваховское гнѣздо“), тутъ и сказки („Сказки голубой феи“), и сборникъ кавказскихъ пѣсенъ и преданій („Вечера княжны Джавахи“), большія историческія повѣсти („Смѣлая жизнь“, „Пажъ цесаревны“, „Газаватъ“, „Грозная дружина“, „Царскій гнѣвъ“), разсказы изъ исторіи для маленькихъ читателей („Такъ велѣла царица“, „На радость царевичу“), повѣсти изъ жизни мальчиковъ („Домъ шалуновъ“, „Первые теварищи“, „Счастливчикъ“, „Щелчокъ“), изъ жизни бѣдныхъ дѣтей улицы („Записки сиротки“, „Сѣрый домъ“, „Лизочкино счастье“), веселые разсказы для малютокъ („Рыжикъ и Чернушка“, „Когда мы были маленькіе“), большая повѣсть изъ жизни сестеръ милосердія („Сестра Марина“), облеченное въ повѣствовательную форму жизнеописаніе св. Сергія Радонежскаго („Одинъ за всѣхъ“), серія автобіографическихъ повѣстей („За что?“, „Большой Джонъ“, „На всю жизнь“) и пр., и пр. Есть затѣмъ у Чарской и юмористическія произведенія, есть и такія, въ которыя вставлены юмористическіе эпизоды („Домъ шалуновъ“, „Первые товарищи“ и др.). Есть и серьезныя повѣсти, рисующія театральный бытъ („Лѣсовичка“) и т. д., и т. д.

Уже одинъ этотъ перечень показываетъ, какъ богата фантазія писательницы, какъ разнообразны затрогиваемыя ею темы.

Конечно, среди такой массы произведеній есть вещи болѣе и менѣе талантливыя, болѣе и менѣе удачныя. Но всѣ безусловно проникнуты искреннею, горячею любовью къ юному поколѣнію, всѣ направлены къ тому, чтобы будить въ юныхъ читателяхъ добрыя чувства, показать свѣтлыя и темныя стороны ихъ жизни, ихъ поступковъ, а рядомъ выставить и жизнь взрослыхъ, открыть передъ дѣтьми настоящую жизнь, насколько это доступно юнымъ читателямъ и насколько желательно вообще.

Кромѣ повѣстей, разсказовъ и историческихъ книгъ, Чарская выпустила и двѣ книги стиховъ для старшаго и для младшаго возраста („Голубая волна", „Веселая дюжинка"). Печать отмѣтила въ нихъ „изящество, граціозность, признала многіе изъ нихъ прекраснымъ матеріаломъ для декламаціи" („Лит.-Театр. Курьеръ", 911. 29. I), нашла ихъ хорошенькими и признала въ нихъ искорки настоящаго поэтическаго таланта („Нива", 910. 5), признала, что стихотворенія Чарской, вызывая въ дѣтской головкѣ живые образы и фантазію, легко запоминаются маленькими читателями („Моск. Вѣд.", 910. 23. XII), нашла, что по свѣжести и чистотѣ настроеній и мотивовъ стихи Чарской хороши именно для дѣтства и первой юности („Новая Русь", 910. 9. II).

Вообще большинство отзывовъ печати о произведеніяхъ Чарской вполнѣ признаетъ несомнѣнныя достоинства ея таланта.

Изъ огромнаго числа такихъ отзывовъ приведемъ лишь нѣсколько, какъ доказательство, что успѣхъ Чарской основывается не только на вкусахъ дѣтей.

М. Соколовскій, отмѣчая на столбцахъ „Голоса Правды" (908. 11. XII), что повѣсти Чарской пользуются большимъ успѣхомъ среди юныхъ читателей, что на нихъ предъявляется большой спросъ, объясняетъ это тѣмъ, что

написаны онѣ очень литературно, читаются легко, вполнѣ пригодны для дѣтскихъ подарковъ.

По мнѣнію Чехова („Дѣтская литература“), Чарская обладаетъ живою фантазіею и вполнѣ литературнымъ слогомъ... Среда, описаніе которой наиболѣе удается Чарской, это жизнь женскаго института.

Рецензентъ „Нивы“ (911. 50) находитъ, что

Чарская пишетъ литературно и хорошо знакома съ изображаемымъ бытомъ.

„Новая Русь“ отмѣтила, что Чарская „умѣетъ бесѣдовать съ дѣтьми и знаетъ путь къ ихъ сердцамъ“ (910. 9. II).

О „Газаватѣ“ Чарской „Извѣстія по народному образованію“ пишутъ:

Эта прекрасная книга читается съ живѣйшимъ интересомъ... Она будетъ украшеніемъ всякой библіотеки (907. II).

„Историческій Вѣстникъ“ о томъ же „Газаватѣ“ пишетъ:

Это безусловно талантливо написанная повѣсть для юношества, которая долго будетъ читаться, въ виду интереса и задушевности, вѣющихъ съ каждой страницы... Событія героической борьбы настолько трогательно, тепло и живо запечатлѣны на страницахъ этой книги, что невольно переживаешь всѣ тревоги, всѣ надежды каждаго изъ героевъ (911. XII).

„Русская Школа указываетъ, что

Чарская стремится привлечь вниманіе молодого читателя, главнымъ образомъ, правдивостью психологической подкладки, художественностью картинъ (906. IV).

„Правит. Вѣстникъ“ въ рецензіи о повѣсти „Люда Власовская“ (904. 23. XII) находитъ, что

по описанію сценъ и психологическому анализу въ повѣсти можно думать, что самъ авторъ перечувствовалъ не мало въ своихъ воспоминаніяхъ, и отсюда та теплота, которою вѣетъ отъ его разсказа... Весьма живой языкъ, драматизмъ сценъ, умѣнье дать мѣстный колоритъ различнымъ событіямъ дѣлаютъ повѣсть не только занимательной, но и полезной... У юныхъ читателей она пробудитъ лучшія, благородныя чувства...

Тотъ же „Вѣстникъ“ въ отзывѣ о „Записках сиротки“ и „Лизочкином счастьѣ“ говоритъ:

Г-жа Чарская умѣетъ выбирать яркіе, живые характеры, понимаетъ психологію «классной» жизни (06. 176).

„Варш. Дневникъ“, по поводу „Записокъ маленькой гимназистки“ Чарской, замѣчаетъ:

Всѣ повѣсти талантливой на рѣдкость и весьма чутко понимающей дѣтскую душу писательницы представляютъ большой интересъ и весьма цѣнныя книги для дѣтскаго чтенія (911. 20. XII).

„Товарищъ“ въ отзывѣ о „Второй Нинѣ“ Чарской пишетъ (07. 21. VII).

Этотъ дивный романъ изъ кавказской жизни, полный благоуханій магнолій и розъ, живо переноситъ въ роскошную Карталинію и можетъ увлечь любого читателя.

„Биржевыя Вѣдомости“ говорятъ о „Запискахъ институтки“:

Просто, общедоступно и съ увлекательною нѣжностью авторъ разсказываетъ исторію жизни институтки... Бытъ института, типы его, радости и печали воспитанницъ, первыя огорченія и первыя проявленія красивой дружбы очерчены авторомъ съ знаніемъ дѣла, наблюдательностью и симпатичною мягкостью (905. 620).

„Сказки голубой феи“ „Рѣчь“ находитъ „написанными занимательно“ (09. 13. XII), а „Новое Время“ „написанными красивымъ и граціознымъ языкомъ“ (09. 08. XII), „Россія“— „проникнутыми сознаніемъ воспитательнаго значенія“ (09. 13. XII), „Нижег. Лист.“—„красивыми и поэтическими, заслуживающими одобренія“ (09. 24. XII), „Педаг. Листокъ“ считаетъ ихъ безусловно интересно задуманными, нерѣдко въ изящной формѣ затрагивающими общечеловѣческіе вопросы (910. VII).

„Грозную дружину“ Чарской, по мнѣнію „Новаго Времени“, можно смѣло рекомендовать для дѣтей въ возрастѣ 13—15 лѣтъ; написана повѣсть вполнѣ литературно и хорошимъ языкомъ; симпатіи автора на сторонѣ всѣхъ храбрыхъ, любящихъ свою родину и свободу (09. 18. XII), „Московск,

Вѣд.“ находятъ, что эту книгу „нельзя не порекомендовать, какъ пріятное и полезное чтеніе для юношества“ (09. 23. XII), „Русск. Инвалидъ“ заявилъ, что такая книга, какъ „Грозная дружина“ должна особенно рекомендоваться людьми, чтущими героевъ (910. 7. II).

О романѣ Чарской „Евфимія Старицкая“ „Историческій Вѣстникъ“ говоритъ, что онъ

написанъ не только съ знаніемъ эпохи, но и всѣ его персонажи выведены тепло и талантливо (905. XII).

„Смѣлую жизнь“ Чарской „Русскій Инвалидъ“ считаетъ книгой, которую

полезно имѣть въ военной семьѣ, въ офицерской библіотекѣ, даже въ солдатской читальнѣ (910. 31. X).

„Педагогическій Сборникъ“ пишетъ о „Запискахъ институтки“ Чарской:

Разсказъ ведется живо и читается съ интересомъ... Книга содержитъ такія положительныя данныя, что чтеніе ея принесетъ пользу и кадетамъ младшей роты (903. XII).

„Слово“ въ оцѣнкѣ исторической повѣсти „Пажъ цесаревны“ подчеркиваетъ

живой, красочный языкъ, историческую правдивость изложенія, яркую обрисовку характеровъ и нравовъ (80. 656).

„Новое Время“ о той же повѣсти говоритъ, что

авторъ старается заинтересовать юныхъ читателей не только умѣло выбранной фабулой разсказа, но и ввести въ кругъ тѣхъ интеллектуальныхъ стремленій, которыя являются характерными для изображаемаго времени (80. 11.774).

„Кіевская Мысль“ (911. 23. XII) признаетъ, что

Чарская пишетъ живо и занимательно и умѣетъ заинтересовать свою аудиторію.

„Петерб. Герольдъ“ находитъ, что

Чарская несомнѣнно даровитая писательница. О крупномъ талантѣ разсказчицы свидѣтельствуютъ въ особенности ея книги изъ школьной жизни. Сцены, разыгрывающіяся въ школѣ, всегда очень пластичны, полны юмора и нѣжности (911. 18. XII).

Въ отзывѣ „Россіи“ (907. 25. XII) отмѣчается, что

у Чарской очень образный, красивый стиль.

„Голосъ Либ.“ (911. 17. XII) пишетъ, что

всѣ разсказы Чарской дышатъ удивительной простотой, что такъ особенно прельщаетъ маленькій читательскій міръ.

Здѣсь приведена лишь незначительная часть одобрительныхъ, а иногда и прямо восторженныхъ отзывовъ о Чарской. Такихъ отзывовъ въ органахъ печати самыхъ разнообразныхъ направленій—цѣлыя сотни.

VI.

Согласно результатамъ анкеты, произведенной Комиссіею по дѣтскому чтенію при Учебномъ отдѣлѣ О. Р. Т. З. въ учебныхъ заведеніяхъ Москвы, больше всего увлекаются Чарской дѣти 13—14 лѣтъ, при чемъ, сказано въ докладѣ комиссіи, положительно зачитываются ею какъ дѣвочки, такъ и мальчики [1]). Но по даннымъ тѣхъ анкетъ, которыя имѣлъ въ своемъ распоряженіи пишущій эти строки, увлеченіе Чарскою захватываетъ гораздо болѣе широкій кругъ читателей и читательницъ: среди усердныхъ и восторженныхъ юныхъ почитателей и почитательницъ Чарской имѣются и дѣти 7-ми лѣтняго возраста (для которыхъ у Чарской имѣются особыя повѣсти и разсказы, приноровленные къ пониманію и міросозерцанію малышей), и взрослыя 17-ти лѣтнія барышни. Нѣкоторыя изъ прежнихъ читательницъ Чарской успѣли уже стать совершенно взрослыми, стали матерями и воспитательницами, и среди нихъ есть значительное число такихъ, которыя сохранили наилучшія воспоминанія о нѣкогда „любимѣйшей“ своей писательницѣ.

---

[1]) Труды Перваго Всероссійскаго Съѣзда по Библіотечному дѣлу 1911 г. «Результаты анкеты по вопросу: какія книги нравятся дѣтямъ».

Однако, само собою разумѣется, что среди юныхъ читателей и читательницъ повѣстей Чарской есть и такіе, которые не раздѣляютъ восторга своихъ сверстниковъ и сверстницъ. Это, впрочемъ, по указаніямъ упомянутой комиссіи, не относится къ дѣтямъ до 14 лѣтъ: „только позже, къ 15 годамъ, появляется критическое отношеніе къ Чарской“.

Чѣмъ же однако недовольны юные читатели и читательницы, относящіеся отрицательно къ Чарской?

Въ упомянутой анкетѣ комиссіи приведено нѣсколько объясненій со словъ самихъ дѣтей.

«Книги Чарской мнѣ нравятся, только она больше пишетъ о богатыхъ»,—заявляетъ одна изъ ученицъ Городского училища. «Чарская пишетъ только про счастливыхъ и богатыхъ людей, а если про бѣдныхъ, то съ какимъ-нибудь талантомъ»—жалуется другая.

Чарская, дѣйствительно, въ большинствѣ своихъ произведеній рисуетъ болѣе ей близкій и знакомый міръ зажиточныхъ дѣтей. Но въ числѣ повѣстей писательницы немало и такихъ, гдѣ обрисованъ міръ нищеты, описана жизнь несчастныхъ бѣдныхъ дѣтей, сиротъ и пр.

Затѣмъ въ анкетѣ той же комиссіи, приводится мнѣніе одной ученицы, которая нашла, что „смыслъ въ повѣстяхъ Чарской одинаковый“, содержаніе „однообразное“. Правда, при огромной литературной плодовитости Чарской и при той ограниченной сферѣ, которую представляетъ дѣтскій міръ, изъ котораго черпаетъ свои сюжеты писательница, въ ея произведеніяхъ встрѣчаются иногда одинаковыя положенія, повторяются подчасъ схожіе типы. Но, тѣмъ не менѣе, богатая фантазія Чарской и ея знаніе дѣтскаго міра даютъ ей возможность создавать повѣсти совершенно разнороднаго характера и содержанія. Этимъ и объясняется, что юные читатели съ одинаковымъ интересомъ и увлеченіемъ читаютъ по нѣсколько повѣстей любимой писательницы и съ нетерпѣніемъ ждутъ новыхъ ея произведеній.

Нельзя не указать еще, что въ то время какъ большинство юныхъ читателей и читательницъ въ восторгѣ отъ храбрыхъ и самоотверженныхъ героевъ и героинь, которыхъ облюбовала Чарская, другіе—правда немногіе—заявляютъ, что имъ такіе характеры не нравятся.

Однако, число дѣтей, относящихся отрицательно къ Чарской, совершенно ничтожно сравнительно съ огромною массою восторженныхъ почитателей и почитательницъ писательницы.

VII.

Исключительный, можно сказать, небывалый успѣхъ произведеній Чарской, какъ это бываетъ всегда въ подобныхъ случаяхъ, вызвалъ и массу нападокъ, сначала въ видѣ небольшихъ газетныхъ замѣтокъ, а затѣмъ и объемистыхъ статей.

„Имя г-жи Чарской, одной изъ самыхъ популярныхъ дѣтскихъ писательницъ, вызываетъ почти всегда ожесточенные споры,—пишетъ Саввинъ въ „Опытѣ ежегодника дѣтской литературы“ (М. 910).—Одни стоятъ за нее, признавая ее за писательницу выдающуюся, талантливую; другіе—не только отрицаютъ всякое достоинство за ея литературными произведеніями, но готовы находить въ основныхъ мотивахъ ея творчества, въ самой трактовкѣ сюжета нѣчто вредное“.

Банальность нѣкоторыхъ упрековъ невольно наводитъ на мысль, что отрицательныя мнѣнія о произведеніяхъ Чарской не всегда основаны на безпристрастныхъ, свободныхъ отъ посторонних вліяній, сужденіяхъ и что, очевидно, есть какія-нибудь особыя причины, почему Чарская приходится „не по душѣ“ инымъ критикамъ, въ то время какъ за нее „горой стоитъ“ юная публика...

Первый, такъ сказать общій упрекъ, который посылаютъ

Чарской ея противники,—это то, что ея повѣсти слишкомъ занимательны, черезчуръ приковываютъ вниманіе юныхъ читателей и увлекаютъ ихъ. Этотъ упрекъ проходитъ красною нитью черезъ цѣлый рядъ отрицательныхъ отзывовъ о повѣстяхъ Чарской. Люди, привыкшіе къ скучнымъ, правоучительнымъ, дѣланнымъ повѣстямъ для дѣтей, были поражены, что нашлась писательница, которая въ небогатой, казалось бы, событіями дѣтской жизни и среди ограниченнаго количества темъ, доступныхъ дѣтскому возрасту, нашла неизсякаемый, почти не затронутый источникъ сюжетовъ, безконечное число самыхъ разнообразныхъ дѣтскихъ типовъ и сумѣла съ внѣшней стороны придать имъ жгучій интересъ, заинтересовать оригинальною фабулою. Если то недостатокъ, то безусловно Чарская въ немъ повинна. Можно ли однако упрекать автора, что онъ пишетъ интересно и умѣетъ приковывать вниманіе читателя? И неужели дѣтская книга тогда хороша, когда она скучна и не даетъ сердцу юнаго читателя никакой пищи?

Слѣдующій упрекъ, который ставятъ Чарской, это немного вычурный, приподнятый языкъ въ нѣкоторыхъ ея произведеніяхъ и свойственное вообще женскому перу восторженное отношеніе ко многимъ, изображаемымъ писательницею героинямъ.

„У Чарской,—пишетъ одинъ изъ критиковъ,—если дѣвочка хороша, то она уже красавица; если мальчикъ уменъ, то у него „ума палата“; если она описываетъ отрицательный типъ, то выводитъ непремѣнно отчаяннаго негодяя. Средняго типа она не знаетъ, обыденныхъ людей она какъ-будто не признаетъ“. Въ этомъ упрекѣ несомнѣнно есть доля правды и, какъ отмѣчаетъ тотъ же критикъ, Чарская въ этомъ отношеніи является въ дѣтской литературѣ ничшеянкой, у которой сплошь и рядомъ встрѣчаются сверхъ-дѣти, сверхъ-люди, и въ хорошемъ, и въ дурномъ отношеніи.

Обвиняютъ затѣмъ Чарскую, что она писательница условная (?), что она писательница-романтикъ, что иногда впадаетъ въ мелодраматичный тонъ и т. д.

Герои разсказовъ Чарской,—читаемъ у г-жи Масловской,—надѣлены талантами, красотой, умомъ, смѣлостью; они страдаютъ отъ того, что ихъ никто не понимаетъ, но подъ конецъ всегда оказываются побѣдителями. Главный интересъ сосредоточенъ на конфликтахъ, возникающихъ на этой почвѣ. Это-де тоже недостатокъ.

Родниковъ въ своихъ „Очеркахъ дѣтской литературы“, считая Чарскую одной изъ представительницъ героическаго романтизма, ставитъ ей въ вину „яркую обрисовку типовъ, изобиліе сильныхъ сценъ“ и, признавая, что повѣсти ея написаны „языкомъ легкимъ, но въ тонѣ нѣсколько приподнятомъ“, находитъ, однако, что романтизмъ Чарской принимаетъ иногда „характеръ фантастическій“, и ставитъ ей въ упрекъ „безпощадность въ описаніи нелюбимыхъ героевъ“. Соглашаясь, что романтическая литература, поскольку она ставитъ своею задачею будить въ читателѣ лучшія чувства и создавать возвышенное настроеніе, имѣетъ право на почетное мѣсто въ библіотекѣ ребенка, онъ все же опасается, что дѣвочки, зачитавшись произведеніями Чарской, „способны къ совершенію нелѣпыхъ эксцентричностей“. При этомъ Родниковъ увѣряетъ, будто ему даже „лично приходилось знать примѣръ подобнаго вреднаго вліянія романтизма на подростковъ“. Критику можно возразить одно: „къ нелѣпымъ эксцентричностямъ“ способны только завѣдомо ненормальныя, нездоровыя натуры, и такія натуры будутъ совершать „эксцентричности“ несомнѣнно совершенно независимо отъ вліянія той или другой книги. Неужели же изъ-за того, что иныя дѣти способны отравить себя красками, не слѣдуетъ вообще давать дѣтямъ заниматься раскрашиваніемъ, живописью?

Другой критикъ г-жи Чарской, Фриденбергъ, признавая, что „ея произведенія захватываютъ широкую среду дѣтской жизни и даютъ не только забавную фабулу, но разсказываютъ также и о переживаніяхъ дѣйствующихъ лицъ", возмущается тѣмъ, что „героини ея произведеній постоянно обнаруживаютъ уродливые наросты женской психики, а герои, въ большинствѣ случаевъ, представлены золотой молодежью, которая рукоплещетъ всѣмъ особенностямъ дѣвушекъ" и т. д. Тутъ, такимъ образомъ, Чарской ставится въ упрекъ, что она рисуетъ дѣйствительную жизнь юнаго поколѣнія такою, какая она есть на самомъ дѣлѣ. Отъ писательницы требуютъ, чтобы она лгала, чтобы она изображала сказочнѣе, идеальнѣе подвиги героевъ и выдавала свою фантазію за реальную правду. Критикъ совершенно забываетъ, что юные читатели отлично умѣютъ отличать правду отъ лжи и что они отвернулись бы отъ автора, который выводилъ бы передъ ними однихъ только благонравныхъ Ваней и Машей. Именно заслуга Чарской, между прочимъ, въ томъ, что въ своихъ повѣстяхъ изъ институтской жизни она даетъ вѣрное зеркало, въ которомъ, какъ въ фокусѣ, сосредоточены всѣ недостатки, свойственные современному учащемуся юному поколѣнію. Но въ то же время Чарская, отлично понимая, для кого она пишетъ, кто ея читатели, никогда не переступаетъ границы того, что допустимо не только съ художественной, но и съ педагогической точки зрѣнія.

Третій хулитель Чарской, Чуковскій, прибѣгъ къ обычному, уже истасканному способу порицанія путемъ сопоставленія выхваченныхъ изъ разныхъ мѣстъ и разныхъ произведеній отдѣльныхъ эпизодовъ и фразъ, не имѣющихъ между собой ничего общаго, и на основаніи этихъ-то фразъ дѣлаетъ свои выводы, упрекая писательницу во всевозможныхъ недостаткахъ. Къ сожалѣнію, совершенно не литературный и лишен-

ный элементарной порядочности тонъ Чуковскаго лишаетъ насъ возможности цитировать его и доказывать ему неосновательность его обвиненій.

Иныхъ критиковъ возмущаетъ, что дѣти, восторгающіяся Чарской, ставятъ ее въ одинъ рядъ съ такими корифеями литературы, какъ Пушкинъ, Гоголь, Тургеневъ, и въ анкетахъ и письмахъ на вопросъ, кто ваши любимые писатели, отвѣчаютъ: „Пушкинъ и Чарская", „Гоголь и Чарская", „Чарская и Тургеневъ" и т. п., и т. п. Но развѣ въ этихъ наивныхъ отвѣтахъ не сквозитъ прямодушное, искреннее, задушевное отношеніе къ писательницѣ, сумѣвшей завладѣть сердцами дѣтей? Придетъ время, и юные „обожатели" и „обожательницы" Чарской, сохранивъ благодарную память о писательницѣ, увлекавшей ихъ своими повѣстями, поймутъ и разницу между нею и тѣми великими писателями, съ которыми они сравнивали ее.

VIII.

Въ числѣ упрековъ по адресу Чарской видное мѣсто отводятъ, какъ это ни странно, вѣрному отраженію ею дѣтской жизни, дѣтской психики, маленькихъ и большихъ дѣтскихъ недостатковъ и пороковъ. „Сами дѣти,—заявляетъ г-жа Масловская,—признаютъ за Чарской полное знаніе ихъ жизни и ихъ душевнаго состоянія". И всякій, близко стоящій къ дѣтскому міру,—продолжаетъ она, — согласится съ тѣмъ, что Чарская указываетъ на такія стороны дѣтской жизни и психологіи, на которыя педагогами недостаточно обращено было вниманія, но которыя безспорно существуютъ. Она безсознательно (?) обличаетъ дѣтей и педагоговъ, и какъ все, написанное безъ тенденціи, это тѣмъ болѣе и тѣмъ рельефнѣе указываетъ намъ на страшное зло нашихъ дней". „Пѣвецъ

институтской жизни, Чарская, раскрываетъ страницу за страницей жизнь въ четырехъ стѣнахъ, показываетъ, по какому трафарету складываются отношенія къ родителямъ, педагогамъ, другъ къ другу, какъ проявляется дружба, любовь, негодованіе, раскаяніе; она (Чарская) ясно показываетъ намъ, какъ мало-по-малу убивается въ дѣтяхъ всякая индивидуальность, всякая искренность для того, чтобы дать мѣсто механической искусственной сентиментальности, ходульному и пошлому фразерству".

Все это говорится въ упрекъ Чарской. Намъ же кажется, что это скорѣе похвала, и что въ вѣрномъ отраженіи институтской жизни, со всѣми ея недостатками, кроются достоинства писательницы; она смѣло вскрываетъ и показываетъ дѣтямъ темныя стороны этой жизни. Нечего на зеркало пенять, коль рожа крива. Скрывать отъ дѣтей ихъ собственные пороки рѣшительно нѣтъ никакой надобности, и для устраненія этихъ пороковъ вѣрное ихъ изображеніе можетъ безспорно оказать большую услугу.

Но вотъ бѣда: изображая недостатки институтокъ, Чарская все-таки съ такою любовью и въ такихъ яркихъ и привлекательныхъ краскахъ сумѣла изобразить институтскую жизнь, что дѣти, какъ удостовѣряетъ сама же г-жа Масловская, начитавшись Чарской, бредятъ институтской жизнью, заставляютъ опредѣлять ихъ въ институтъ, не хотятъ ни за что уходить изъ института и т. п. Строгій критикъ и этимъ недоволенъ, какъ недоволенъ онъ тѣмъ, что Чарская въ одной изъ своихъ повѣстей изобразила злую бонну, притѣсняющую бѣдныхъ дѣтей, не ангеломъ доброты, а „пугаломъ и страшилищемъ"; возмущается г-жа Масловская тѣмъ, что писательница заноситъ на страницы своихъ книгъ тѣ обычныя прозвища, которыми во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ искони вѣковъ дѣти надѣляютъ своихъ воспитателей и воспитательницъ, а

въ защитѣ педагоговъ талантливыми ученицами усматриваетъ нѣчто оскорбительное.

Совершенно забывая о томъ, что Чарская во всѣхъ своихъ повѣстяхъ изъ школьной жизни, выводя отрицательные типы педагоговъ, въ то же время рисуетъ и положительные, что она старается показать наглядно, какъ несправедливо и жестоко ученики и ученицы относятся иногда къ инымъ изъ своихъ учителей и учительницъ,—г-жа Масловская считаетъ нужнымъ выступить адвокатомъ педагоговъ. И она съ паѳосомъ восклицаетъ: „если это не клевета, если есть хоть сколько-нибудь правды въ написанномъ Чарской о педагогахъ и институтѣ, то остается только сказать родителямъ: прочтите хоть одну книгу Чарской, и, если вы послѣ этого рѣшитесь отдать вашихъ дѣтей въ руки такихъ воспитателей, обречь вашихъ дѣтей на подобную жизнь, то Богъ вамъ судья“.

Г-жа Масловская не замѣтила, что, выступая защитницею педагоговъ противъ мнимыхъ нападокъ на нихъ Чарской, она уподобилась... Донъ-Кихоту, воевавшему, какъ извѣстно, съ мельницами. Ужъ если Ученый Комитетъ Мин. Народнаго Просвѣщенія и Главное Управленіе военно-учебныхъ заведеній, стоящіе на стражѣ интересовъ педагоговъ, не только не нашли въ повѣстяхъ Чарской никакой клеветы на представителей педагогическаго міра, но даже одобрили повѣсти Чарской, признали ихъ заслуживающими вниманія при пополненіи библіотекъ, и если на съѣздѣ директоровъ средне-учебныхъ заведеній С.-Петербургскаго Учебнаго Округа докладчикомъ по вопросу о внѣшкольномъ чтеніи „Записки институтки“ Чарской причислены къ произведеніямъ художественной литературы, рисующимъ школьную жизнь, которыя слѣдуетъ давать учащимся [1]),—то нечего г-жамъ Маслов-

[1] Труды перваго съѣзда директоровъ, 1912 г., стр. 65.

скимъ выступать въ качествѣ запоздавшихъ обличительницъ.

IX.

Въ извѣстномъ критическомъ указателѣ „Что читать народу“, составленномъ харьковскими учительницами подъ редакціей Х. Алчевской, находимъ слѣдующія слова:

«Взрослый человѣкъ обладаетъ правомъ имѣть любимыя книги, почему же не предоставить этого права маленькому человѣку-ребенку, если въ этомъ любимомъ чтеніи нѣтъ ничего ни опаснаго, ни вреднаго. Къ чему, пользуясь преимуществомъ сильнаго, посягать на его вкусы и симпатіи и стараться передѣлать ихъ по-своему?»

Эти слова невольно приходятъ на память, когда слышишь или читаешь протесты противъ увлеченія юныхъ читателей и читательницъ произведеніями Чарской.

Нельзя, конечно, не согласиться съ мнѣніемъ, что если критикѣ разрѣшается идти наперекоръ вкусамъ и увлеченіямъ взрослыхъ читателей, то странно было бы отнять у нея это право, когда дѣло касается дѣтей. Тѣмъ не менѣе мы настаиваемъ на томъ, что разумной и справедливой критикѣ дѣтской литературы необходимо, хотя бы до извѣстной степени, считаться съ вкусами и требованіями самихъ дѣтей, и игнорировать ихъ совершенно это значитъ совершать насиліе надъ дѣтьми. Что зачитывающаяся произведеніями Чарской юная публика и относящаяся къ нимъ съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ ироніи извѣстная часть критики расходятся между собою, отнюдь не свидѣтельствуетъ еще, что произведенія Чарской не удовлетворяютъ своему назначенію.

Но допустимъ на минуту, что всѣ наши дѣти глупы, наивны, что они ничего не понимаютъ, что они сплошь заблуждаются въ своихъ восторгахъ; допустимъ, что Достоевскій жестоко ошибается, утверждая, что „дѣти понимаютъ

гораздо больше, нежели мы думаемъ". Допустимъ, что мнѣніямъ и восторгамъ дѣтей не слѣдуетъ придавать никакого значенія. Но вѣдь не одни только дѣти признаютъ достоинства Чарской, какъ дѣтской писательницы! Если у Чарской и есть противники, отрицающіе ее, какъ дѣтскую писательницу, то, какъ уже указано выше, есть и рьяные защитники. Первые составляютъ при этомъ лишь очень ничтожный процентъ.

Кромѣ того, нельзя не указать, что цѣлый рядъ книгъ Чарской одобренъ такими учрежденіями, какъ Ученый Комитетъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, какъ Ученый Комитетъ Главнаго Управленія военно-учебныхъ заведеній; отдѣльныя ея книги удостоились одобренія комиссіи по организаціи дѣтскаго чтенія при Учебномъ Отдѣлѣ Московскаго Общества распространенія техническихъ знаній, Кружка преподавателей во главѣ съ А. Анненской, В. Гердомъ и др.; многія произведенія Чарской включены въ списки книгъ, заслуживающихъ вниманія при пополненіи ученическихъ библіотекъ, одобрены для пріобрѣтенія въ библіотеки коммерческихъ учебныхъ заведеній, рекомендованы или допущены для чтенія воспитанниковъ кадетскихъ корпусовъ. Трудно допустить, чтобы эти коллективныя учрежденія, въ составъ которыхъ входятъ многія компетентныя и извѣстныя въ педагогическомъ и литературномъ мірѣ лица, заблуждались.

А критика въ періодической печати? Вѣдь имѣются многія сотни благожелательныхъ, одобрительныхъ и иногда даже восторженныхъ отзывовъ о произведеніяхъ Чарской—какъ въ общемъ ихъ составѣ, въ видѣ характеристики литературнаго творчества Чарской, такъ, и въ особенности, объ отдѣльныхъ ея произведеніяхъ! Изъ одниxъ похвальныхъ отзывовъ о произведеніяхъ Чарской можно бы составить цѣлую книгу.

На чьей же сторонѣ правда: на сторонѣ отдѣльныхъ неблагожелателей и хулителей или же на сторонѣ остальной массы ея сторонниковъ?

Читая нападки на Чарскую, невольно вспоминаешь, какимъ жестокимъ нападкамъ подвергался въ свое время, со стороны извѣстной части русскихъ педагоговъ и критиковъ, знаменитый Жюль Вернъ. Вѣдь и его произведенія считали вредными, опасными, старались закрыть имъ доступъ въ библіотеки. И у немногихъ лишь хулителей Жюля Верна хватило мужества поступить такъ, какъ поступилъ одинъ изъ извѣстнѣйшихъ педагоговъ (А. Н. Острогорскій), который, спустя тридцать лѣтъ, публично высказалъ свое раскаяніе и призналъ, что онъ въ свое время ошибался и что, прочитывая вновь произведенія великаго французскаго писателя-популяризатора, онъ пришелъ къ убѣжденію, что они отличаются огромными достоинствами, что все въ нихъ полно глубокой вѣры въ силу и значеніе науки, въ ея могущество и пр.

Если бы господа хулители спокойно, безъ предвзятой мысли, принялись за разборъ произведеній Чарской, они тоже должны были бы признать, что и у нея огромныя, незамѣченныя ими достоинства и что подкладка большинства ея беллетристическихъ и беллетристическо-историческихъ трудовъ гораздо серьезнѣе, нежели это принято думать.

Въ талантѣ не отказываетъ Чарской даже ея злѣйшій врагъ и хулитель Чуковскій, послѣ цѣлаго ушата грязи, который онъ пытался вылить на писательницу, послѣ подбора выхваченныхъ изъ разныхъ мѣстъ ея произведеній отдѣльныхъ выраженій и эпизодовъ, не можетъ удержаться, чтобы не сказать, „а Чарская несомнѣнно талантлива“ [1]).

Если въ чемъ можно упрекнуть Чарскую, то лишь въ

---

[1]) К. Чуковскій. Чарская. «Рѣчь», 1912. № 1.679.

томъ, что она замѣтно пробила брешь въ дѣтской литературѣ, замѣнивъ всѣхъ „благонравныхъ Катей и Ваней", которыхъ такъ усердно описывали старые дѣтскіе писатели, живыми дѣтскими современными типами. Правда, герои и героини Чарской большей частью натуры незаурядныя, исключительныя, сильныя, но, рисуя ихъ, Чарская несомнѣнно преслѣдуетъ опредѣленную благую цѣль—вызвать энергію, смѣлость, вѣру въ собственныя силы, въ возможность достиженія намѣченной цѣли. Рядомъ съ такими типами Чарская изображаетъ и другіе: нервныхъ, развинченныхъ юношей и дѣвицъ, т.-е. типы, такъ часто встрѣчающіеся теперь въ средѣ дѣтей, но здѣсь у писательницы замѣтно стремленіе показать всѣ недостатки ихъ.

Упрекаютъ Чарскую въ томъ, что многія изъ ея произведеній сентиментальны. До извѣстной степени упрекъ этотъ основателенъ. Но сентиментальность у Чарской не искусственная, не шаблонная и проявляется въ мягкомъ, сердечномъ, задушевномъ, полномъ участія отношеніи къ несчастнымъ, забитымъ и угнетеннымъ, въ тепломъ состраданіи къ обиженнымъ судьбою или людьми. Сентиментализмъ Чарской тѣмъ хорошъ, что даетъ возможность незамѣтно воздѣйствовать на чувства читателя и пробуждать мягкость его сердца. При этомъ Чарская, даже въ сентиментальныхъ вещахъ, никогда не нарушаетъ чувства мѣры.

Для полной, безпристрастной, справедливой оцѣнки Чарской очевидно еще не наступило время. Но оно придетъ. Явится компетентная критика, которая выяснитъ значеніе Чарской не только въ дѣтской литературѣ, но и въ дѣтской жизни. Быть можетъ, эта критика отброситъ нѣкоторыя менѣе удачныя ея произведенія, но она несомнѣнно выдвинетъ и тѣ достоинства писательницы, которыя создали ей такую огромную аудиторію, сдѣлали ее самой популярной дѣтской писательницей,

любимицей дѣтворы. До сихъ поръ такой компетентной критики въ области дѣтской литературы мы не имѣемъ: все случайныя похвалы или случайныя порицанія случайныхъ рецензентовъ, подчасъ даже цѣлыхъ группъ случайныхъ судей, руководствующихся нерѣдко личными симпатіями и антипатіями.

Этимъ и объясняются діаметрально противоположные отзывы о Чарской: съ одной стороны, восторженныя похвалы, съ другой—рѣзкое осужденіе. Допуская, что часть этихъ упрековъ справедлива, нельзя все-таки не признать несомнѣнно благотворнаго вліянія, которое имѣетъ большинство произведеній писательницы, безспорно достигающей той главной цѣли, которую преслѣдуетъ и должна преслѣдовать дѣтская литература— будить въ юныхъ читателяхъ добрыя чувства.

Недоброжелатели, завистники и враги Чарской упрекаютъ ее въ томъ, что она увлекаетъ за собою дѣтей, подобно сказочному нѣмецкому „ловцу изъ Гаммельна". Да, несомнѣнно, Чарская увлекаетъ дѣтей, но увлекаетъ ихъ въ область добра и, не скрывая передъ ними темныхъ сторонъ жизни, показываетъ имъ всегда и свѣтлыя, ясныя, солнечныя точки въ ней.

Чарская въ правѣ поэтому спокойно относиться къ тѣмъ отдѣльнымъ хуламъ и нападкамъ, которымъ она подвергается, и, гордая сознаніемъ, что за нее стоятъ чистыя, искреннія, неиспорченныя дѣтскія сердца, можетъ отвѣтить своимъ хулителямъ словами древняго писателя: „Я сдѣлала, что могла; пусть другіе сдѣлаютъ лучше".

ТОВАРИЩЕСТВОМЪ М. О. ВОЛЬФЪ

выпущена въ свѣтъ

СЕРІЯ ПОПУЛЯРНЫХЪ КНИЖЕКЪ

подъ названіемъ

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕЧКА

II.

Дѣтская республика. М. Брауна. Ц. 15 к.
Дѣтскія метеорологическія наблюденія. В. В. Березовскаго. Ц. 15 к.
Закаливаніе дѣтей. Геккера. Ц. 15 к.
Какъ нужно одѣваться дѣвочкамъ? Д-ра Кребса. Ц. 15 к.
Какъ украсить елку. М. Гофмана. Ц. 15 к.
(Допущено въ учен. библ. низш. учил.).
Лѣвая рука. Проф. Мейергейма. Ц. 15 к.
Мастеръ на всѣ руки. П. Матвѣева. Съ рис. Ц. 15 к.
Моя система укрѣпленія здоровья ребенка. М. Цеплера. Съ 8 рис.
Наглядность въ воспитаніи. Проф. Трачевскаго. Ц. 15 к.
Нервное воспитаніе. Виктора Русакова. Ц. 15 к.
Новѣйшіе учебные столы. Д-ра Рейха. Ц. 15 к.
(Допущено въ библ. подвѣдомств. Мин. учебныхъ завед.).
О чемъ и какъ пишутъ дѣти. Виктора Русакова.
Охрана здоровья. Фр. Бургерштейна. Ц. 15 к.
Ошибки и промахи въ воспитаніи дѣтей. Проф. Комба. Ц. 15 к.
Правила гигіены. Фр. Бургерштейна. Ц. 15 к.
Раннее обученіе дѣтей музыкѣ. Г. Рукавишникова. Ц. 15 к.
Рѣчи къ дѣтямъ. Эд. де-Амичиса. Ц. 15 к.
Слабонервныя дѣти и ихъ воспитаніе. Проф. Пру и Ж. Балле. Ц. 15 к.
(Допущено въ безплатныя народныя библіотеки и читальни).
Тетрадь начинающаго рисовальщика. Ц. 15 к.
Уроки лѣпки изъ глины. Скульптура для дѣтей, по методу проф. І. Л. Тедда. Съ 12 рис. въ текстѣ. Ц. 15 к.
(Допущено въ безплатн. народныя читальни и библіотеки).
Уходъ за зубами. Д. М. Тубянскаго. Съ 4 рис. Ц. 15 к.
Учитесь правильно дышать. Гимнастика легкихъ. Проф. Льва Кофлера. Съ 10 рис. Ц. 15 к.
Художественное воспитаніе въ раннемъ возрастѣ. Елизаветы Буссе, преподавательницы Берлинской Песталоцци-Фребелевской школы. Ц. 15 к.
(Допущено въ учительскія библ. начальныхъ учил.).
Что дѣлать дѣтямъ? А. Воскресенской. Ц. 15 к.
Школа на вольномъ воздухѣ. А. Домбарта. Ц. 15 к.

НОВОЕ ИЗДАНІЕ Т-ВА М. О. ВОЛЬФЪ

Собраніе популярн. очерковъ, лекцій и статей по педагогич. вопросамъ подъ редакціею Виктора Русакова

«Задушевное Воспитаніе» ставитъ себѣ цѣлью въ небольшихъ книжкахъ, принадлежащихъ перу русскихъ и иностранныхъ авторовъ, знакомить широкіе круги интеллигентныхъ родителей съ наиболѣе существенными вопросами воспитательнаго дѣла и родственныхъ этому дѣлу областей, изложенными въ возможно сжатой, и въ то же время, доступной и понятной всѣмъ формѣ.

ВЫШЛИ ВЪ СВѢТЪ:

1. **ИСКУССТВО ВЪ ДѢТСКОЙ.** Проф. Гельмунда.
2. **ПЕРВЫЕ УРОКИ РЕБЕНКА.** М. Димара.
3. **ВОСПИТАТЕЛЬНОЕ ЗНАЧЕНІЕ ДѢТСКОЙ КНИГИ.** В. А. Волковичъ
4. **САМОДѢЯТЕЛЬНОСТЬ ВЪ ОБУЧЕНІИ.** Проф. Акри Маріона.
5. **ЛОГИКА РЕБЕНКА.** Проф. Бернгарда Мюнца.
6. **ДѢТСКІЙ СМѢХЪ.** Виктора Русакова. Изд. 2-ое.
   Главнымъ управленіемъ военно-учебныхъ заведеній допущено въ фундаментальныя библіотеки военно-учебныхъ заведеній (отн. 21. XII. 09).
7. **ВОСПИТАНІЕ КАПРИЗНЫХЪ ДѢТЕЙ.** Г. Рукавишникова. Изд. 2-ое.
8. **ПРОФАНАЦІЯ СТЫДА.** Л. А Чарской.
9. **ИСКУССТВО УЧИТЬ.** М. Н. Угловиной.
10. **ВОСПИТАНІЕ ДАРОВИТАГО РЕБЕНКА.** Г. Рукавишникова.
11. **ЧТО НУЖНО ЗНАТЬ РОДИТЕЛЯМЪ.** С. Ф. Либровича.
12. **ВОСПИТАНІЕ ВЯЛЫХЪ ДѢТЕЙ.** Г. Рукавишникова.
13. **КНИГА КАКЪ ПОДАРОКЪ ДѢТЯМЪ.** С. Ф. Либровича.
14. **ПАМЯТЬ И ЕЯ ВОСПИТАНІЕ.** Г. Павловцева.
15. **НУЖЕНЪ ЛИ ДѢТЯМЪ ДѢТСКІЙ ЖУРНАЛЪ.** М. Н. Васильевскаго.
16. **СЛѢДУЕТЪ-ЛИ ДѢТЯМЪ ЧИТАТЬ СТИХИ?** А. Ф. Панова.
17. **ГИМНАСТИКА МОЗГА.** Проф. Д-ра К. Э. Бона. Изд. 2-е.
    Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Просв. допущена въ народныя читальни и библіотеки. (Отз. 16. III, 1905).
18. **О ПЕРВЫХЪ КНИЖКАХЪ-КАРТИНКАХЪ ДЛЯ МАЛЮТОКЪ.** Проф. Г. Пудора.
19. **О ВЕСЕЛЫХЪ ДѢТЯХЪ И ВЕСЕЛЫХЪ КНИГАХЪ.** Г. Рукавишникова.
20. **ШВЕДСКАЯ ГИМНАСТИКА ДЛЯ МАЛЕНЬКИХЪ ДѢТЕЙ.** Д-ра Деспика.
21. **О ЗЛЫХЪ И РАЗДРАЖИТЕЛЬНЫХЪ ДѢТЯХЪ.** Проф. А .Мартэна. Переводъ А. Налимова.
22. **ТЕМПЕРАМЕНТЫ И ИХЪ ЗНАЧЕНІЕ ВЪ ВОСПИТАНІИ.** К. Тюлеліева. И. о. инспектора Спб. гимназіи Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Алексѣя Николаевича.
23. **ХАРАКТЕРЪ, ЕГО СУЩНОСТЬ И РАЗНОВИДНОСТИ.** К. Тюлеліева.
24. **ШКОЛА ДЛЯ РОДИТЕЛЕЙ.** С. Ф. Либровича.

25 и 26. **ЗА ЧТО ДѢТИ ЛЮБЯТЪ ЧАРСКУЮ?** Виктора Русакова.

ИЗЪ ОТЗЫВОВЪ.

Самый строгій изъ читателей признаетъ, что въ «Задушевномъ Воспитаніи» разсѣяно много здравыхъ, полезныхъ и разумныхъ истинъ...

(Вятская Рѣчь, 910. 6. V).

Типографія Т-ва М. О. Вольфъ. Спб., Вас. Остр., 16 лин., соб. д. 5—7.